

ЛЮДИ НАУКИ

УДК 929

**ИЗ ЛЮБВИ К СЛОВУ ИЗРЕЧЕННОМУ
(к 85-летию Б.Я. Шидфар)***Р.Ш. Шарафутдинова***Аннотация**

В статье предпринята попытка написания научной биографии выдающегося арабиста Бетси Яковлевны Шидфар (1928–1993), которая известна как блестящий переводчик многих классических текстов арабской средневековой литературы. Однако главный труд её жизни – перевод Корана – увидел свет уже после смерти учёного. В статье даётся краткий анализ основных научных работ Шидфар, содержатся личные воспоминания автора, учившегося вместе с Бетси Яковлевной в Ленинградском государственном университете в послевоенное время.

Ключевые слова: ислам, Коран, касыда.

Двадцать лет прошло с тех пор, как ушла из жизни профессор, доктор филологических наук Бетси (Елизавета) Яковлевна Шидфар (1928–1993), учёный огромного творческого потенциала, к сожалению, не полностью реализованного. Каков он был, этот потенциал, можно судить, проследив её путь в науке и обратившись к творческому наследию, которое, вероятно, ещё недостаточно оценено научной общественностью, в том числе специалистами в области арабистики. Автору этих строк не удалось найти даже некролога или каких-либо материалов (возможно, к юбилею) о творческом пути Б.Я. Шидфар. А путь её в науке был сложным и может служить примером целеустремлённости и упорного труда в достижении превосходных результатов.

Мои воспоминания о Б.Я. Шидфар относятся к годам нашей совместной учёбы на восточном факультете Ленинградского государственного университета (1946–1951), когда мы близко общались, связанные общим делом.

В 1946 г. на арабское отделение восточного факультета в числе пяти девушек и десяти юношей была принята приехавшая из Новороссийска Лиза Шустер – будущая Бетси Яковлевна Шидфар – миниатюрная, привлекательной внешности, живая, остроумная, уверенно державшаяся и очень простая в общении.

Это было замечательное время – первый год без войны, страстное желание учиться, прекрасные Учителя! Мы были последними учениками всемирно известного арабиста академика И.Ю. Крачковского (1883–1951), у которого в течение четырёх с половиной лет слушали курсы лекций «Введение в арабистику» и «Арабская классическая литература». Игнатий Юлианович читал нам вводный курс по истории изучения Корана и вёл практикумы (перевод коротких мекканских сур), которые сопровождал ценными историческими и филологическими комментариями. На четвёртом курсе нам читали также краткий курс введения в эфиопскую и южноарабскую филологию.

На нашем «трудёмком» факультете изучались и европейские языки (немецкий, французский), из дополнительных восточных – персидский, а для избравших (в соответствии со специализацией, с третьего курса) лингвистический профиль – ещё древнееврейский и древний сирийский. Но главным для всей группы являлся арабский – язык, который нам преподавал замечательный, требовательный педагог Виктор Иванович Беляев. На занятиях с ним мы «докапывались» до самой сути фразы, до смысла каждого слова, до полной прозрачности структуры предложения и всего текста.

Мы благодарны нашим Учителям за то, что они привили нам вкус к языку, умение филологически работать с текстом. Им же мы обязаны и выбором основных наших пристрастий и интересов в будущих арабистических штудиях – пристрастий, сформировавшихся не без влияния увлекательнейшей книги И.Ю. Крачковского о творческих поисках учёного-арабиста «Над арабскими рукописями», выдержавшей в 1945–1949 гг. три издания.

Наше послевоенное поколение отличалось серьёзным отношением к учёбе. Группа подобралась на редкость талантливая, занимавшаяся с большой самоотдачей. Достаточно сказать, что из четырнадцати выпускников нашей группы восемь человек стали докторами наук, а единственной женщиной-доктором среди них была Б.Я. Шидфар.

Лиза запомнилась всем как яркая, талантливая, поэтически одарённая личность, выделявшаяся среди нас, девушек, своей увлечённостью языком, работоспособностью, независимостью суждений. Любимым её предметом уже со второго курса стала арабская поэзия доисламского периода, так называемая *джахилийская* поэзия (V – VII вв.), которая оставалась в центре её внимания всю жизнь. Однако предметом своей курсовой работы она избрала творчество арабских поэтов средневековой Испании в период исламского завоевания (видимо, не без влияния статей И.Ю. Крачковского) и позже продолжила разработку этой темы в дипломной работе «Андалусская арабская поэзия», представив обширное исследование с собственными поэтическими переводами.

Материалы диплома, вероятнее всего, были использованы в её первых публикациях – в прекрасно оформленной книжке «Андалусская поэзия» [1] (включающей стихотворные переводы, сделанные как самой Б.Я. Шидфар, так и другими авторами на основе её подстрочников) и в исследовании «Андалусская литература. Краткий очерк» [2].

Тема курсовой работы и диплома требовала от студентки знания испанского языка. И Лиза умудрялась находить время для посещения занятий ещё и на филологическом факультете (в том же здании, где находился востфак), а затем, оформив экстернат, она завершила курс обучения по программе испанского отделения филфака.

Но выпускнице двух факультетов (восточного – по специальности «арабская филология» (1951) и филологического – по специальности «испанская филология» (1952)) не была уготована «зелёная улица». Трудности при устройстве на работу по профилю испытывали многие востоковеды, однако особые препятствия в центральных городах чинились тем, кто «не подходил» по анкетным данным («пятый пункт»). В самом разгаре была кампания против «безродных космополитов».

Тем не менее выбор места распределения в результате оказался удачным – Шидфар поехала в Бухару на должность методиста по русскому языку в Институте усовершенствования учителей (1952–1955). Там состоялось её знакомство с Востоком, а со временем появилась возможность преподавать в Среднеазиатском государственном университете (САГУ) в Ташкенте (1955–1958).

В те годы жизнь свела её с превосходным арабистом М.А. Салье (1899–1961) – первым переводчиком на русский язык сказок «Тысячи и одной ночи» и других памятников арабской письменности, под руководством которого Лизой была начата диссертация на тему «Историк и философ X – XI вв. Ибн Мискавейх и его эпоха». Это открыло для Лизы возможности бывать и работать в Москве, где решила и её личная (семейная) судьба.

С 1960 г. Б.Я. Шидфар на протяжении более 30 лет – постоянный сотрудник Московского государственного института международных отношений. С тех пор творческий рост её как учёного сопровождается и восхождением по служебной лестнице (преподаватель арабского языка, доцент, профессор): 1962 г. – защита упомянутой диссертации на соискание учёной степени кандидата наук, 1972 г. – защита докторской диссертации «Образная система арабской классической литературы VI – XII веков и её эволюция».

Позже, в 1974 году, под сходным заглавием выйдет в свет монография Б.Я. Шидфар «Образная система арабской классической литературы (VI – XII вв.)» [3], посвящённая исследованию художественных особенностей древнеарабской и средневековой арабской литературы на материале произведений поэзии, Корана (рассматриваемого автором в качестве литературного памятника своей эпохи) и сочинений средневековых арабских филологов¹.

Этот значительный труд Б.Я. Шидфар построен на углублённом изучении огромного количества памятников арабской письменности классического периода, что дало возможность автору теоретически осмыслить этот литератур-

¹ В 2011 г. ИД «Марджани» было осуществлено переиздание «Образной системы» [4].

ный материал и на основе его анализа создать работу новаторского типа. В указанном исследовании Б.Я. Шидфар решаются подлинные литературоведческие проблемы, даётся анализ эстетических основ образной системы арабской литературы. Автор прослеживает эволюцию этой системы – от древнеарабской поэзии (наиболее древней стадии художественного мышления, родившейся ещё в условиях родоплеменного строя) и ранней прозы эпического характера до более сложных степеней её развития в классическом периоде.

Детальному разбору в «Образной системе» подвергся жанр *касыды* – формы бытования поэзии. Родившаяся в доисламскую эпоху, она ещё много веков сохраняла верность одной и той же композиции, включавшей часто повторяющиеся сюжеты, в чём некоторые исследователи видели «недостаток» древней поэзии. Это, впрочем, не лишало поэта возможности мастерски обрабатывать сюжет, придавать ему определённые черты нового, используя разные приёмы и изобразительные средства (зачин, контрастный переход к другому, композиционно необычному сюжету и т. д.). Для первого явления (устойчивость *касыдной* композиции) автор монографии вводит термин «принцип привычного». Этот принцип пронизывает всю систему образных средств (например, многочисленных устойчивых эпитетов), он же находит отражение в ярких сравнениях, в основе которых лежит зрительный образ. Во втором случае (контрастность) действует «принцип крайностей», основанный на ассоциативности – «непрерывном условии... художественного образного мышления» [4, с. 55].

На основе тщательного анализа приведённых поэтических образцов автор выделяет в своих выводах систему образов древнеарабской поэзии, оказавших влияние на всё последующее развитие классической поэзии. Определяющим принципом в выработке образной системы арабской классической литературы была тесная связь с природой, являющейся основой таких сравнений.

Исследованные в монографии художественные особенности, присущие древней поэзии, характерны также и для произведений ранней эпической прозы с включёнными в них стихами, в которых присутствуют те же традиционные сюжеты *касыд* и те же сравнения, та же двухплановость сказаний: сюжетная сторона развивается в прозе, эмоциональная – в стихах.

В круг литературных произведений классического периода автор монографии вводит Коран, посвящая ему специальную главу: «Основы образной системы Корана». Сопоставляя Коран с хронологически близкими ему произведениями древнеарабской поэзии, автор отмечает характерные для них сближающие черты: эмоциональный зачин, лаконичность и контрастность образов, быструю сменяемость сюжетов (что создаёт эмоциональную насыщенность и в поэзии, и в Коране).

Автор рассматривает Коран как один из древнейших памятников, написанный рифмованной прозой. В композиционном отношении это сборник, где одна или несколько тем в разных *сурах* (главах) разрабатываются по-своему – по аналогии с древнеарабской *касыдой*. Наблюдается повторяемость сюжетов – тот же «принцип привычного». В числе сюжетов – сказания о древних народах и их пророках, эсхатологические картины. Для внутренней композиции *сур* характерна отрывочность, несвязанность, фрагментарность, контрастность сюжетов и образов. Всем этим достигается эмоциональность словесного искусства.

Этой же цели – настроить слушателя на эмоциональное восприятие проповеди – служат также быстрая смена сюжетов, лаконичность образов, эффектное начало проповеди, резкие переходы от одного сюжета к другому.

Наиболее выразительная составляющая Корана, по утверждению Б.Я. Шидфар, это образность, самобытность видения мира. В панегириках, восхвалениях Аллаха через явления природы нашли воплощение критерии добра, славы, могущества Единого Бога. Восхваления Аллаха в Коране очень важны, поскольку основная идея Корана – Единобожие.

Автор отмечает характерные черты сближения образных средств Корана и древнеарабской поэзии на основе уже сложившихся эстетических взглядов. В своих выводах Б.Я. Шидфар вплотную подошла к постановке вопроса о культурном фоне и духовной среде, в которой происходило ниспослание Корана.

В 2003 г. для многих, знавших Б.Я. Шидфар (в том числе для автора этих строк) появление посмертной публикации Корана в её переводе стало полной неожиданностью. Вместе с тем выполнение данной работы именно Б.Я. Шидфар было вполне закономерным. Мысль об этом труде, очевидно, возникла у неё уже в процессе работы над докторской диссертацией «Образная система арабской классической литературы VI – XII веков и её эволюция». Именно так следует понимать теперь слова Шидфар в предисловии к монографии о том, что приводимые примеры из Корана преследовали «и определённые практические цели – путём литературного перевода показать возможность сохранения ритма и рифмы при переводе Корана на русский язык» [4, с. 27].

Не оставляет никаких сомнений полная смысловая адекватность перевода оригиналу. Что же касается подхода к переводу, то здесь Б.Я. Шидфар избрала свой путь: не создание точного русского эквивалента, а воссоздание литературного памятника, равнозначного оригиналу по эмоциональному воздействию на русскоязычного читателя.

В предисловии к переводу Корана она кратко изложила историю зарождения нового вероучения (ислама) и его письменного сложения – Корана. Обращаясь к художественному своеобразию сложного памятника словесного искусства, изустного изначально, она пишет: «Коран считался арабскими и вообще мусульманскими учёными самым красноречивым из всего, что было сказано на арабском языке. Это блестящий образец вдохновенной проповеди, захватывающий эмоциональной яркостью картин» [5, с. 16]. Подробно останавливаясь на том, в чём состояло, по мнению арабов, это красноречие, соблюдение требований которого переводчик считает обязательным и для себя в данной работе, Шидфар излагает далее свой подход к переводу Корана как памятника не письменной, а живой речи. Ведь Коран – это сборник произнесённых проповедей, в которых допустимы и эллипсисы, и несвязанность, и фрагментарность. Целью этих проповедей было удержание внимания слушателей яркими, ёмкими образами, привлечением примеров, притч. Это были речи с соблюдением определённого ритма и рифмы, с использованием привычных образов и картин для успешного внедрения в сознание людей идеи Единобожия.

Примечания к тексту перевода Корана не «перегружают» читателя, не наукообразны по стилю, легки для восприятия. Данный перевод Корана, подготовленный Б.Я. Шидфар, – подарок читателю, интересующемуся памятником ду-

ховной жизни мусульман. Перевод сделан лёгким литературным языком, выполнен рифмованной ритмической прозой, как и сам оригинал, и передаёт художественные и стилистические особенности Корана – наилучшего образца словесного искусства, по мнению арабов. Автор перевода старательно сохранила, согласно своим установкам, ёмкость ярких образов оригинала – произведения большого эмоционально-эстетического воздействия.

Перевод Корана на русский язык стал «лебединой песней» учёного и переводчика. Жалею лишь о том, что так и не успела сказать Лизе: «Да будет доволен тобой Аллах!» – эти слова она написала по-арабски на своём портрете, который подарила мне в 1947 году, на первом курсе восточного факультета Ленинградского государственного университета...

Summary

R.Sh. Sharafutdinova. For the Love of the Spoken Word: On the 85th Anniversary of the Birth of B.Ya. Shidfar.

The article is one of the first attempts to write a scientific biography of a prominent Arabist, Betsy Yakovlevna Shidfar (1928–1993). Shidfar is well-known as a brilliant translator of many classical texts of medieval Arabic literature. However, her *opus magnum* – the translation of the Qur'an – was released only after the death of the researcher. The article provides a brief analysis of the major scientific works by Shidfar. It contains personal memories of the author, who studied with Shidfar at Leningrad State University after the war.

Keywords: Islam, Qur'an, qasidah.

Литература

1. Андалусская поэзия / Сост., предисл., примеч. Б.Я. Шидфар. – М.: Худож. лит., 1969. – 240 с.
2. Шидфар Б.Я. Андалусская литература. Краткий очерк. – М.: Наука, 1970. – 184 с.
3. Шидфар Б.Я. Образная система арабской классической литературы (VI – XII вв.). – М.: Наука, 1974. – 254 с.
4. Шидфар Б.Я. Образная система арабской классической литературы (VI – XII вв.). – М.: ИД Марджани, 2011. – 320 с.
5. Шидфар Б.Я. Предисловие переводчика // Коран / Пер. с араб. и коммент. Б.Я. Шидфар. – М.: ИД Марджани, 2012. – С. 12–19.

Поступила в редакцию
13.08.12

Шарафутдинова Рукийя Шейхутдиновна – независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: islamkfu@gmail.com